

С. А. ЛЕВИНА

О времени составления и составителя Воскресенской летописи XVI века

Воскресенская летопись XVI века по богатству использованных материалов и по полноте известий занимает первое место после Никоновского летописного свода.¹

До сих пор оставалось невыясненным, каким годом оканчивался текст Воскресенской летописи, опубликованный в VII и VIII томах „Полного собрания русских летописей“. Дело в том, что списки, которые использовались при подготовке к изданию Воскресенской летописи, обрываются при изложении нашествия крымского хана Сафа-Гирея в 1541 году, причем обрываются они в разных местах: ранее всех Синодальный список конца XVI века, потом „Парижский“ список конца XVI века. Наиболее отличным от Никоновской летописи является Карамзинский список XVII века.

В выявленных нами в собрании Археографической комиссии Ленинградского отделения Института истории Академии Наук СССР списке второй половины XVI века и в собрании Румянцева Гос. библиотеки им. В. И. Ленина списке начала XIX века имеется текст, который утрачен в других списках Воскресенской летописи: „Воеводы же великого князя пришли к городу, а царь по вестем поспешил от города проч с всеми людьми. И воеводы за царем пошли часа того, к Дону пришли, а царь уж Дон перевез; и воеводы за царем отпустили многих людей, а сами възвратишя“.² Этот текст представляет собой окончание рассказа о нашествии крымского хана Сафа-Гирея (август 1541 г.).

В „Парижском“ списке Воскресенской летописи, находящемся в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, недостает двух последних листов. Следовательно, его текст оканчивается ранее теми же событиями августа 1541 года, что и в Археографическом и Румянцевском списках.

Итак, можно считать установленным, что дошедший до нас текст Воскресенской летописи оканчивался изложением событий августа 1541 года.

---

¹ Сведения о степени изученности Воскресенской летописи см. в кн.: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. Изд. АН СССР, М.—Л., 1947, стр. 472—474.

² ЛОИИ, собрание Археографической комиссии, № 243, лл. 303 об.—304; ГБЛ, собрание Румянцева, № 256, л. 118 об.

Все предшествующие исследователи ограничивались указанием о составлении Воскресенской летописи в 40-х годах XVI века, не уточняя этой датировки,¹ между тем как ее текст позволяет установить эту дату более или менее точно.

В списке русских митрополитов, помещенном во введении к Воскресенской летописи, последним назван Макарий,² а он стал им 19 марта 1542 года.³ В списке литовских князей рядом с именем Сигизмунда I имеется пояснение „нынешний король“,⁴ а он был королем до 8 октября 1544 года. Следовательно, Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 года и 8 октября 1544 года.

Борьба между придворными группировками во главе с Василием и Иваном Шуйскими, с одной стороны, и Иваном Бельским, с другой, началась в 1538 году. Василий Шуйский умер, но Иван Шуйский продолжал борьбу. В феврале 1539 года митрополит Даниил был смещен и его место занял Иоасаф, который скоро изменил Шуйским и добился освобождения Бельского, заключенного в темницу Василием Шуйским. Правление перешло к Ивану Бельскому и митрополиту Иоасафу. Против них составилась заговор, осуществленный в ночь со 2 на 3 января 1542 года, когда был схвачен и сослан на Белоозеро Иван Бельский, смещен митрополит Иоасаф и его место занял Макарий. Иван Шуйский вскоре умер, власть перешла к его родственникам Ивану и Андрею Михайловичам Шуйским и Федору Ивановичу Скопину-Шуйскому. Случай с Семеном Федоровичем Воронцовым, произошедший в сентябре 1543 года, привел к падению Шуйских: 23 декабря 1543 года Андрей Шуйский был схвачен и отдан псарям. Затем началась опала на сторонников Шуйских, продолжавшаяся до конца 1545 года.⁵

Ясно, что составитель Воскресенской летописи не мог быть беспристрастным наблюдателем описываемых событий. Чтобы разрешить вопрос о политических симпатиях и антипатиях составителя Воскресенской летописи, необходимо произвести сравнение изложений одних и тех же событий в разных источниках XVI века.

В Воскресенской летописи история заточения в темницу князя Юрия Ивановича (1533 г.) изложена так: князь Юрий послал к Андрею Шуйскому Третьяка Тишкова с предложением отъехать к нему, но Андрей уклонился от ответа и рассказал обо всем князю Борису Ивановичу Горбатову, тот — боярам, а они — великой княгине Елене; по приказанию последней, Юрий был посажен в темницу. О судьбе же Андрея Шуйского не говорится ничего.⁶

Совсем другое изложение того же события мы находим в Никоновской летописи: Андрей Шуйский пытался уговорить Бориса Ивановича Горбатова отъехать, но тот отказался; тогда Андрей Шуйский явился

¹ См.: А. А. Шахматов. О так называемой Ростовской летописи. М., 1904, стр. 18; Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 1, СПб., 1899, стр. CLXIV—CLXV, примеч.

² ПСРЛ, т. VII, стр. 239.

³ См.: П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877, стр. 6.

⁴ ПСРЛ, т. VII, стр. 256.

⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 295—301; т. XIII, ч. I, стр. 123—145; т. XIII, ч. II, стр. 431—445; т. XX, ч. II, стр. 447—466. См. также: С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года. Истор. архив, № 7, М., 1951, стр. 288—289; М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. Истор. записки, № 46, Изд. АН СССР, 1954, стр. 285.

⁶ ПСРЛ, т. VIII, стр. 286, от слов „Того же месяца декабря 11...“ до слов „...отца нашего Данила столпника“.

к великой княгине Елене и объявил, что Борис Иванович уговаривал его отъехать к Юрию; однако обман открылся, Андрей Шуйский был посажен в темницу, был схвачен и князь Юрий.¹

Сравнение изложений этого известия показывает, что составитель Воскресенской летописи пытался оправдать Андрея Шуйского, составитель Никоновской летописи — опорочить его.

В первом послании Ивана Грозного князю Андрею Михайловичу Курбскому сказано, что изменники Ивана Васильевича восстановили Андрея Ивановича Старицкого против великого князя, „еже нас хотели погубити, а дядю нашего воцарити“.² Несколько по-другому описывают причины осложнений отношений между Иваном Грозным и его дядей летописи XVI века: отношения испортились из-за того, что Андрей Иванович просил дополнительных земель, ссылаясь на духовную грамоту Ивана III (и духовную грамоту Василия III, как считает А. А. Зимин³). Получив лишь „шубы, и купки, и кони иноходцы в седлах“ и будучи поэтому сильно разгневанным, Андрей Иванович уехал в Старицу. Елена послала к Андрею Ивана Васильевича Шуйского и дьяка Пуятина с тем, чтобы убедить Андрея в том, что она на него не сердится, и пригласить в Москву. Андрей вернулся в Москву, где ему были повторены прежние уверения, после чего он вновь уехал в Старицу. Готовясь к войне за Казань, Елена пригласила на совет Андрея, но тот отказался, отговариваясь болезнью. Отправленный к Андрею лекарь по возвращении рассказал, что болезнь его легкая. Тогда Елена послала к Андрею людей для вторичного приглашения, а также с тем, чтобы узнать действительную причину отказа. Они рассказали Елене, что Андрей просто не хочет ехать в Москву. Чувствуя недоброе, Андрей послал в Москву Федора Пронского, но еще до этого против Андрея были посланы войска во главе с Иваном Федоровичем Овчиной-Телепневым-Оболенским. Федор Пронский был пойман, но одному из его людей удалось бежать и сообщить Андрею об опасности. Андрей двинулся к Новгороду, но вскоре был настигнут Оболенским.

До этого места текст летописей XVI века не имеет принципиальных различий,⁴ но далее летописи по-разному описывают события.

В Воскресенской летописи сказано, что Андрей решил помириться и с таким предложением обратился к князю Ивану Федоровичу Овчине-Телепневу-Оболенскому. Последний, не спросив разрешения Елены, согласился и вместе с Андреем поехал в Москву. Но Елена по прибытии их в Москву посадила Андрея в темницу.⁵

Воскресенский же список Софийской второй летописи, Вологодско-Пермская летопись и повесть „О князе Ондреи Ивановичи, егда бысть гоним гневом божиим, грех ради наших“ (Синодальное собр. № 645) сообщают, что Оболенский получил приказ от Елены доставить Андрея

¹ ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 78—79, от слов „Того же месяца декабря II...“ до слов „...на дворце за сторожи и его бояр“.

² Послания Ивана Грозного. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 32.

³ А. А. Зимин трактует выражение летописи „припрашивал... чрез отца своего благословение и чрез духовную грамоту“ так: „Андрей Иванович требовал земель сверх („чрез“) тех, какие отошли к нему по духовной грамоте Ивана III, так как свои претензии он основывал на завещании Василия III“ (Истор. записки, № 27, Изд. АН СССР, 1948, стр. 286).

⁴ Ср.: ПСРЛ, т. VIII, стр. 292—294; т. VI, стр. 301—302; М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI века. Истор. записки, № 10, Изд. АН СССР, 1944, стр. 84—87.

⁵ ПСРЛ, т. VIII, стр. 294, от слов „И увидев князь Андрей...“ до слов „...за приставы на Берсеневе дворе“.

Ивановича в Москву, чтобы здесь захватить его в свои руки. В четверг Андрей прибыл туда, а в субботу был схвачен.¹

Из проведенного сравнения ясно, что составитель Воскресенской летописи старался опорочить Ивана Федоровича Овчину-Телепнева-Оболенского, который через несколько дней после смерти княгини Елены по приказанию Шуйского, как главный враг был посажен в темницу, где вскоре и умер. Итак, составитель Воскресенской летописи не симпатизирует врагу Шуйских.

Выяснить политические симпатии и антипатии составителя Воскресенской летописи помогают не только его высказывания, но и умолчания. Подозрение вызывает тот факт, что события 1538—1540 годов описаны в Воскресенской летописи очень кратко, в то время как очень подробно записаны 1537 и 1541 годы. Интересно, о каких событиях умалчивает Воскресенская летопись? Под 1538 годом не рассказывается об аресте и смерти князя Ивана Федоровича Овчины-Телепнева-Оболенского.² Помещение этого известия в текст летописи могло, вероятно, скомпрометировать Шуйских. Не говорится также об освобождении из темницы Андрея Шуйского,³ что, впрочем, и не удивительно, так как под 1533 годом не сообщалось о его заточении. Очень кратко говорится о начале борьбы между Шуйскими и Бельским. Введение в летопись подробностей этой борьбы было особенно неприятно Шуйским ввиду тех жестокостей, к которым они прибегали (вспомним расправу Шуйских со сторонником Бельского дьяком Федором Мишуриным).⁴ С июня 1540 года до начала 1542 года власть находилась в руках Бельских. Об этом в летописи не сказано ни слова: под 1540 годом рассказывается лишь о перенесении чудотворной иконы из Ржевы в Москву, а под 1541 годом описывается лишь нашествие крымского хана Сафа-Гирея.

- Суммируя результаты наблюдений, можно предположить, что дошедший до нас текст Воскресенской летописи был составлен сторонником Шуйских.

Хотя в литературе не было сделано попытки определить политическое лицо составителя Воскресенской летописи, тем не менее гипотеза о его имени была высказана. Так, В. С. Иконников считал, что Иоасаф, который до января 1542 года занимал митрополичью кафедру, мог быть составителем Воскресенской летописи.⁵

Однако нами установлено, что Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 и 8 октября 1544 года, т. е. тогда, когда Иоасаф был согнан с митрополичьей кафедры и сослан в Кириллов-Белозерский монастырь, где вряд ли мог заниматься составлением летописи.

¹ ПСРЛ, т. VI, стр. 302—303, от слов „И положиша меж себя...“ до слов „... князя Андрея поймав посадити“. Также см.: М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI века, стр. 87, от слов „И великого князя воеводы...“ до конца.

² ПСРЛ, т. XIII, ч. 1, стр. 123; т. XX, ч. II, стр. 447. Также см.: М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг., стр. 285.

³ ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 123; т. XX, ч. II, стр. 447.

⁴ ПСРЛ, т. XIII, ч. I, стр. 126; т. XIII, ч. II, стр. 448—449. Также см.: С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года, стр. 288; Послания Ивана Грозного, стр. 33; М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг., стр. 285.

⁵ В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1187, примеч. 5.

Кроме того, нами показано, что составитель Воскресенской летописи был сторонником Шуйских. Иоасаф же, поставленный Шуйскими, тотчас объявил себя сторонником Бельского и в июне 1540 года добился освобождения последнего из темницы, после чего Бельский занял место во главе правительства. Вскоре после торжества Шуйских, в январе 1542 года, митрополит Иоасаф был согнан с митрополичьей кафедры и сослан в Кириллов-Белозерский монастырь.¹ Следовательно, Иоасаф, был сторонником Бельских и потому никак не мог быть составителем Воскресенской летописи.

Отрицая возможность составления Воскресенской летописи митрополитом Иоасафом, мы тем не менее не имеем данных, позволяющих установить имя составителя Воскресенской летописи.

Итак, в результате анализа текста Воскресенской летописи, выявленных списков этой летописи и сравнения изложений одних и тех же событий, записанных в разных источниках XVI века, удалось установить следующее: 1) дошедший до нас текст Воскресенской летописи оканчивался изложением событий августа 1541 года; 2) Воскресенская летопись была составлена между 19 марта 1542 и 8 октября 1544 года; 3) составитель Воскресенской летописи был сторонником Шуйских.

---

¹ ПСРА, т. XIII, ч. I, стр. 102. Также см.: М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг., стр. 285.